К. В. ЛОМТАТИДЗЕ

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СОНАНТОВ
И ОБ ИХ КОРРЕЛЯТИВНЫХ ПАРАХ

(По данным абхазско-адыгских и картвельских языков)

Считается, что сонанты, если они в том или ином языке не составляют коррелятивных пар, не могут вызвать озвончения рядом стоящих глухих согласных.

По этому вопросу у А. Мартине, например, читаем: «Синхронический анализ ассимиляций в определенном языке показывает... что, как правило, именно различительные признаки переходят с одной фонемы на другую. Ассимиляция по звонкости является нормой в русском языке; глухая согласная, стоящая перед звонкой, для которой наличие голоса является различительным, здесь озвончается, и наоборот, фонологически звонкая согласная в положении перед фонологически глухой оглушается. Если же в сочетании из двух согласных в качестве второго элемента выступает сонант, для которого звонкость не является различительной, эта звонкость никак не влияет на первую согласную, даже если она глухая. В таком слове, как *окно*, *к* остается глухим, что легко объяснить с функциональной точки зрения: поскольку в русском языке существует сочетание /гн/, произношение /кн/ как [гн] повело бы к смешениям; ничто, однако, не мешает оглушать начальную часть фонемы /н/ в слове *окно*, когда это облегчает артикуляцию, поскольку в русском языке не существует фонологически самостоятельного глухого *н*... ассимиляция является регрессивной, если обе фонемы принадлежат к корреляции по звонкости. Таким образом, фонологически глухая согласная стремится к озвончению перед фонологически звонкой, а фонологически звонкая согласная оглушается перед фонологически глухой. Если же фонологически глухая согласная находится в соседстве с носовой, плавной или полугласной (т. е. с согласными, которые обычно реализуются как звонкие, но для которых эта звонкость не является релевантной), то к оглушению стремится именно фонетически звонкая согласная, причем независимо от того, стоит ли она перед глухой или после глухой согласной»¹.

Общеизвестно, что А. Мартине выступал против фонологического бинаризма с такой аргументацией: «Чтобы иметь право утверждать, что все фонологические противопоставления являются двучленными, необходимо либо, исследовав все возможные случаи, констатировать, что дело обстоит именно так, либо доказать, что человек в силу самой своей природы может организовать различительные единицы только по бинарному принципу. Но кто может похвастать тем, что он исследовал все существующие или засвидетельствованные языки? А что можно сказать о бесследно исчезнувших языках или о тех языках, которые появятся на земле в будущем?»².

¹ А. М а р т и н е, Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960, стр. 245—246.

² Там же, стр. 102.

А. Мартине при оценке своей теории («принципа экономии») говорит: «Достаточно появиться новому, достоверно установленному факту, который не найдет себе места в этой теории, чтобы она стала недействительной»³. Однако сформулированный выше закон в отношении коррелятивных пар и неспособности сонантов вызвать озвончение рядом стоящих согласных был воспринят как универсальный закон и применен для объяснения весьма сложных в этом отношении случаев. В частности, на основе этого закона были сделаны попытки объяснить факты абазинского языка.

Рассматривая вопросы озвончения личных показателей (имеются в виду показатели 1-го лица ед. и мн. числа и 2-го лица мн. числа *s*-, *h*-, *š*^o-) в абазинском, У. Аллен заключает: когда эти показатели передают P_2^4 и оказываются в положении перед звонкой согласной глагольного корня, они озвончаются (*ysbad* > *yzbad* «увидел я то», *yhbad* > *yšbad* «увидели мы то», *y^hbad* > *yžbad* «увидели вы то»).

Сопоставляя в этой связи глагольные основы, автор замечает: «Процесс озвончения происходит только тогда, когда начальная корневая согласная является „дистинктивно“ звонкой, т. е. когда она минимально отличается от другой артикуляцией звонкости. Таким образом, озвончения не происходит перед плавной, носовой или же начальных корневых согласных гласного типа»⁵.

Для подтверждения этого положения приводится глагольная форма *dsn'q^waq^wd* «он вызвал меня; он бросил мне вызов», где не произошло озвончения личного показателя P_2 (поскольку, по мнению автора, в качестве начальной согласной корня выступает сонант *n*)⁶.

В специальной литературе как по абхазскому, так и по абазинскому языкам в отношении озвончения личных показателей установлено следующее правило: озвончаются личные префиксы — только показатели грамматического субъекта переходного глагола — при непосредственной постановке их перед корневой звонкой согласной⁷; к таким согласным относятся и сонанты, если они выступают в качестве начальных корневых элементов переходного глагола⁸.

В данном вопросе решающее значение приобретает переходность глагола. Это явствует из противопоставления переходного и

³ Там же, стр. 54.

⁴ Следует оговорить, что символ P_2 должен передавать показатели эргатива-субъекта, т. е. показатели ряда L^S , но если судить по некоторым примерам, приведенным в этой связи У. Алленом, становится очевидным, что в символе P_2 автором объединены вместе с L^S и показатели L^O , т. е. показатели косвенного объекта того же эргатива.

⁵ W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956, стр. 146—147.

⁶ Там же, стр. 147.

⁷ В упомянутых глаголах могут встречаться озвонченные личные показатели (как параллельные разновидности) и в отрицательных формах с префиксальными оформлением отрицания, когда между корневой звонкой согласной и показателями субъекта вставляется целый слог *-эм-* (*-mэ-*; например, абх. *d-z-эм-bejŋ*, абаз. *dəg' -z-эм-bat* «я не видел его»). Это объясняется аналогией, во-первых, с положительными формами того же глагола (*dəzbejŋ/dəzbat*) и, во-вторых, особенно с отрицательными же формами временных образований, имеющих при себе суффикс отрицания (ср. абх. *dəzʋom*, абаз. *dəg' zʋom* «я не вижу его»).

⁸ См.: К. В. Ломтатидзе, Категория переходности в абхазском языке, «Изв. ИЯИМ», XII, 1942, стр. 9—11 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); е е ж е, Тапантский диалект абхазского языка, Тбилиси, 1944, стр. 123—124 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); е е ж е, Ашхарский диалект и его место среди других абхазско-абазинских диалектов, Тбилиси, 1954, стр. 94 (на груз. яз., резюме на русск. яз.); е е ж е, Абазинский язык, «Языки народов СССР», IV, М., 1967, стр. 135; е е ж е, Абхазский язык, там же, стр. 113.

непереходного вариантов глаголов лабильной конструкции (с начальной корневой звонкой согласной). Например, в глаголе (*a*)-*захра* «шить» при образовании личных форм непереходного варианта (как будто бы в одинаковых с переходным вариантом фонетических условиях) корневая звонкая *з* не вызывает озвончения личных показателей, тогда как при образовании личных форм переходного варианта в соседстве с *з* они озвончаются. Ср.: непереходн. *sзахwejt* «я шью (вообще)» («занимаюсь шитьем») и переходный *izзахwejt* «я шью то»⁹.

Таким образом, заключение о невозможности в абазинском языке озвончения личных показателей перед сонантами, опирающееся на отсутствие корреляции по звонкости у сонантов, не отражает действительного положения вещей. Приведенная автором глагольная основа, содержащая сонант *n*, потому не может вызвать озвончения личных показателей, что упомянутый глагол является непереходным, и перед сонантом *n* стоит не показатель субъекта переходного глагола, а показатель косвенного объекта; следовательно, здесь игнорируется и другое основное условие озвончения — непосредственная постановка личных показателей перед корневой согласной.

Если бы названная глагольная форма была бы фиксирована У. Алленом с полным соблюдением гласных компонентов, она должна была бы выглядеть как /*dsan.q^a.q^d*/, а не /*dsn.q^a.q^d*/ . Иначе говоря, между показателем 1-го лица *з* и сонантом *n* должен стоять префикс косвенного отношения *a*. Таким образом, эта глагольная форма в качестве иллюстрации для установления закона озвончения личных префиксов (вообще и, в частности, способности сонантов вызвать озвончение) в абазинском языке не может быть использована.

На деле показатели субъекта переходного глагола при их непосредственной постановке перед начальной корневой звонкой (как перед шумными звонкими, имеющими корреляцию по звонкости, так и сонантами, не имеющими такой корреляции), озвончаются. Например, глагол *a-lagara* «молоть» по конструкции является лабильным глаголом. В нем сонант *l* может вызвать озвончение личных показателей, если глагол выступает в переходном варианте: абх. *izlagojt*, абаз. *izlagit* «я молочу то»; ср. непереход. *slagojt/slagit* «я молочу» («занимаюсь молотьбой») ¹⁰. Точно так же в переходном глаголе *a-wra* «делать» сонант *w* озвончает личные префиксы субъекта, например, абх. *izw/w/ejt* «я делаю то».

В абазинском и абхазском языках вообще весьма редки случаи, чтобы были соблюдены все условия для озвончения личных префиксов (т. е. глагол являлся бы переходным и в качестве начальной корневой согласной выступал бы сонант) ¹¹. Правда, довольно часты переходные глаголы с начальным сонантом *r*-(*l*-) типа *a-ras^aara* «прополка; прополоть», которые не могут вызывать озвончения показателя субъекта переходного глагола, но это объясняется тем, что сонант *r*- в этих глаголах не является к о р-

⁹ Подобного рода факты иногда объясняют тем, что в первом случае процессу ассимиляции мешает огласовка, характерная для аффиксов ряда номинатива. См.: Г. В. Р о г а в а, Озвончение личных префиксов перед сонантами в глаголе абхазско-адыгских языков, «Иберийско-кавказское языковедение», XVII, 1970, стр. 161 (на груз. яз., резюме на русск. яз.). Заметим, однако, что гласный *э* под действием ударения обычно редуцирован.

¹⁰ Именно основываясь на примере неозвонченной личной формы этого глагола *yslagad* «я смолот то», У. Аллен заключает, что сонант *l* не может озвончать личные префиксы (указ. соч., стр. 147, примеч. 2). Такая, с неозвонченными личными префиксами, исходная форма этого глагола, возможна; однако более распространенными являются озвонченные формы типа *izlagad/it*.

¹¹ Отклонения от этой нормы могут иметь место в некоторых заимствованных позже глагольных формах.

н е в ы м элементом основы. Это префикс, и хотя уже окаменелый, но в языковом восприятии поныне ощущается его непринадлежность к корневой части глагола.

Помимо непереходного $dsanq^{\circ}aq^{\circ}d/dsn^{\circ}q^{\circ}aq^{\circ}wd/$, где к тому же показатель лица s непосредственно и не мог встретиться с сонантом n , в абазинском и абхазском языках имеется я в н о п е р е х о д н ы й глагол с начальным сонантом n , перед которым непосредственно ставится показатель субъекта, но озвончения тем не менее не происходит. Это глагол $a-n\acute{a}h^{\circ}ara$, в абхазском имеющий значения «благословлять, поздравить» (с различными провербами), в абазинском — «клясться; поздравлять».

Может показаться, что сонант n действительно не способен вызвать озвончения; но в этом случае уже недостаточно простого описания факта. Для того чтобы понять, почему в данном случае не осуществился процесс озвончения личного префикса субъекта переходного глагола, необходимо рассмотреть происхождение и состав этой глагольной основы. Выясняется, что и в этой основе переходного глагола n не является к о р н е в ы м элементом глагола: в качестве глагольного корня здесь выступает $h^{\circ}a$ «говорить», а n является остатком именной основы, тесно связанной с упомянутым глаголом. Можно предполагать, что это было имя $a-n\acute{a}xa$, поныне имеющееся в абхазском языке в значении «икона; образ». Путем соединения его с глагольной основой $h^{\circ}a-ra$ образовалась сложная глагольная основа $*(a)n\acute{a}xa + h^{\circ}ara$, которая под влиянием ударения претерпела обычные для этих языков фонетические процессы (особенно характерные для композитных образований): выпал безударный гласный a в первой части основы [$*(a)n\acute{a}xh^{\circ}ara$] и произошло упрощение комплекса $xh^{\circ} > h^{\circ}$, в результате чего образовался глагол $a-n\acute{a}h^{\circ}ara$, букв. «икона + говорить», т. е. «клясться; благословлять; поздравлять». Такое происхождение основы этого глагола подтверждается данными абазинского языка, в котором поныне сохранился способ раздельного употребления этих двух слов в качестве устойчивого словосочетания: $n\acute{a}xa jh^{\circ}at$ «покаялся; клятву дал», букв. «клятву сказал».

Следовательно, и в переходном глаголе $a-n\acute{a}h^{\circ}ara$ показатель субъекта не может озвончать n не потому, что n является сонантом, а потому, что n не принадлежит к о р н ю глагола.

Основываясь на разобранных примерах, заключаем, что способ озвончения сонантами субъектных личных показателей переходного глагола можно использовать в качестве критерия при уяснении вопроса, относится тот или иной сонант к корневой части глагола или же нет.

В концепции У. Аллена весьма своеобразную квалификацию получил сонант w (в глаголе $a-wra$ «делать»), вызывающий озвончение личных префиксов. В связи с этим отмечается: «...следовало ожидать, что мы здесь рассмотрим полугласную артикуляцию, но нам встретился только один случай, когда показатель P_2 непосредственно предшествовал полугласному началу корня, и в этом случае он был звонким $ywz\acute{a}zwraya$ „что я должен тебе сделать?“ ...если другие примеры превратят этот случай в общий закон, нужно будет ζ^w [хф] $\zeta^{(v)}$ [ç] (имеются в виду среднеязычные спиранты x' , x° . — К. Л.) интерпретировать как $\acute{y}/\acute{w}$, что создает „коррелятивные пары“ с y/w »¹².

Как видим, найден пример, в котором перед сонантом w произошло озвончение личного префикса, однако, для подтверждения положения о релевантности и «дистинктивности» звонкого характера сонанта w автору понадобилось в качестве коррелятивных пар к сонантам j , w принять спиранты x' , x° .

¹² W. S. Allen, указ. соч., стр. 147, примеч. 3.

Ввиду того, что в этих языках нет других случаев, когда бы сонанты *w* и *j* выступали в качестве начальных корневых согласных переходного глагола, приведенный единственный случай озвончения личных префиксов перед сонантом *w* (в глаголе *a-wra*) уже сам по себе имеет силу закона. Что же касается среднеязычных спирантов *x'* и *x''*, то они в абазинском усвоены из адыгских языков и встречаются исключительно в заимствованных словах, не являясь принадлежностью фонологической системы абазинского языка и не создавая здесь никаких корреляций.

Еще более существенно то, что в абхазском языке вовсе нет (даже и в заимствованных адыгских словах) спирантов *x'*, *x''*, тем не менее сонант *w* (в глаголе *awra* «делать») таким же образом вызывает озвончение личных показателей, как в абазинском.

Что касается корреляции самих адыгских среднеязычных спирантов *x'*, *x''*, то коррелятами их считаются соответствующие звонкие варианты, из которых в настоящее время адыгские языки располагают только нелабиализованным *ɣ'* (например, в слове *adɣ'ä* «адыг»); так что корреляцию *x'*, *x''* с *j*, *w* нет оснований предполагать в самих адыгских языках.

Таким образом, ни в абазинском, ни в абхазском языках сонанты обычно не озвончают предшествующих придыхательных согласных, чем и отличаются от шумных звонких (хотя следует заметить, что вообще процесс озвончения в этих языках не является распространенным и в соседстве с шумными звонкими согласными); что же касается показателей субъекта (придыхательных спирантов) переходного глагола при непосредственной постановке их перед корневой звонкой, то сонанты так же вызывают их озвончение, как и шумные звонкие.

По существу обсуждаемый вопрос исчерпывается сказанным, однако процесс озвончения придыхательных согласных перед сонантами представлен и в других родственных языках (убыхском, адыгских, картвельских).

Так, в убыхском языке, где сонанты также не имеют корреляции, они могут вызвать озвончение личных показателей: *axlan* «обманываю», *axjan* «мажу», *axwəc'ən* «краду»¹³.

В адыгских языках, несмотря на то, что фонологический статус сонантов одинаков, они различны в отношении способности к озвончению. Так, в адыгейском сонанты в противоположность шумным звонким обычно не вызывают озвончения стоящих перед ними личных префиксов; ср., с одной стороны, *ɣäɣä* «я спил 'то'», а с другой — *swəx'əɣä* «я кончил 'то'», *qəšəsnay* «я оставил 'то'»¹⁴. В кабардинском языке личные показатели субъекта переходного глагола озвончаются и перед сонантами, например, *ɣwəx as'* «закончил 'то'», *ɣjas'* «я смазал 'то'», как это имеет место в абхазском и абазинском языках. В отличие от этих последних языков в кабардинском как перед звонкими согласными, так и перед сонантами озвончаются: а) личные префиксы субъекта также перед некорневыми и звонкими согласными, в том числе и перед сонантами (например, *qä-s-mət'əw* «я не писав»), б) личные префиксы косвенного объекта даже перед префиксальными и звонкими согласными, в том числе и сонантами, когда перед личными префиксами окажется какой-нибудь слоговой префикс (ср., с одной стороны, *ar sä sɣəɣ'naɣ'əs'* «тот мой сосед», *sošä* «веду...», а с другой, *wä sä wə-ɣjəɣ'naɣ'əs'* «ты мой сосед», *qə-ɣošä* «привожу», *qəɣät!* «дай мне!»).

Иногда полагают, что в подобных случаях озвончение происходит

¹³ См.: Г. В. Рогова, указ. соч., стр. 161—162.

¹⁴ Примечательно, что в диалектах адыгейского языка представлена неодинаковая картина; в частности, в бжедугском диалекте личные префиксы не озвончаются и перед некоторыми другими звонкими.

благодаря интервокальной позиции личных префиксов, но выясняется, что озвончение вызывают сонанты — с одной стороны, *w*, предполагаемый перед дифтонгическим префиксальным *o* (< *wā*), и, с другой, *j*, предполагаемый перед префиксальным *ā* (< *jā*), когда слоговые префиксы, стоящие перед личными префиксами, создают условия для их более тесного контакта со звонкими согласными (в том числе и сонантами) ¹⁵.

Единая система сонантов в абхазско-адыгских языках весьма неединообразна в отношении способности сонантов вызывать озвончение рядом стоящих глухих согласных, что позволяет не считать эту способность сонантов связанной с наличием коррелятивных пар в названных языках. Вместе с тем неодинаковые возможности озвончения в этих языках весьма показательны при постановке вопроса об универсализации того или иного фонетического закона.

К подобным заключениям приводят и материалы картвельских языков, где система сонантов также не знает корреляции. Процесс озвончения глухих согласных в соседстве с сонантами не характерен для этих языков. Вместе с тем, например, в хевсурском, мохевском и мтиульском говорах грузинского языка в отличие от других его говоров происходит озвончение показателей 2-го лица субъекта и 3-го лица косвенного объекта *h* перед некоторыми шумными звонкими (например, *b*, *g*) и сонантами; в этой позиции *h*, озвончаясь, переходит в *γ* (например, *γmartebš* «он ему должен», *γlocavš* «он его благословляет», *γnahe* «ты увидел») ¹⁶. Подобное озвончение имеет место и перед гласными ¹⁷, в частности, перед корневыми (а не префиксальными) гласными ¹⁸.

Такое ограничение фонетического процесса в хевсурском говоре грузинского языка привлекает внимание в связи с рассмотренными фактами абхазско-адыгских языков; соответствующие факты хевсурского говора, надо думать, объясняются тем, что перед нами явления различной давности: показатель лица *h* перед префиксальными гласными уже был утерян, когда в хевсурском говоре стало развиваться озвончение личного префикса *h*.

Для сванского языка вообще не характерна ассимиляция по звонкости ¹⁹.

Что касается занского (мегрело-чанского) языка, то озвончение конечного *s* глагольных и именных форм происходит перед частицей *ja* в архабском, вицком и атинском подговорах чанского диалекта ²⁰. В текстах, опубликованных И. Кишвидзе, Арн. Чикобава, Ж. Дюмезилем, С. Жгенти и др. по указанным подговорам, были выявлены факты озвончения глухих согласных и перед другими сонантами на стыке двух слов, как, например: *heg reni?* < *hek reni?* «там ли находится?», *hag tu gorum?* < *hak tu gorum?* «что тут ищешь?», *tiz tu gegidgin?* < *tis tu gegidgin?* «что у тебя [стоит] на голове?», *žebiz na uyuṭu* < *žebis na uyuṭu...* «...что в кармане было у него...?», *mod wa ulur?* < *mot wa ulur?* «почему не идешь?» ²¹.

¹⁵ Там же, стр. 165.

¹⁶ См.: А. Г. Ш а н и д з е, Субъектный префикс второго лица и объектный префикс третьего лица в грузинских глаголах, Тбилиси, 1920, стр. 157—167 (на груз. яз.).

¹⁷ Там же, стр. 171.

¹⁸ См.: А. Л. Ч и н ч а р а у л и, Особенности хевсурского диалекта грузинского языка, Тбилиси, 1960, стр. 99 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

¹⁹ См.: С. М. Ж г е н т и, Основные вопросы фонетики сванского языка, Тбилиси, 1949, стр. 160—161 (на груз. яз., резюме на русск. яз.).

²⁰ См.: А р н. Ч и к о б а в а, И. Кишвидзе и научное изучение чанского, в кн.: И. Кишвидзе, Чанские тексты, Тбилиси, 1939, стр. XXV.

²¹ См.: С. М. Ж г е н т и, Фонетика чанско-мегрельского языка, Тбилиси, 1953, стр. 114—118 (на груз. яз.).

Ясно, что и здесь озвончение могут вызвать сонанты, не имеющие корреляции по звонкости; расхождения в этом отношении наблюдаются не только между родственными языками, но и между говорами и подговорами одного языка.

То, что в рассмотренных языках сонанты обычно не вызывают озвончения глухих согласных в непосредственном соседстве, объясняется не тем, что сонанты не имеют корреляции по звонкости, а той хорошо известной особенностью, что в них, наподобие гласных, преобладает сонорность. В этой связи весьма показательно установленное в кабардинском языке озвончение сонантами личных префиксов независимо от того, будут они субъектными или объектными, в том случае, когда перед ними стоит какой-нибудь слоговой префикс. Благодаря постановке перед личными показателями любого слогового префикса связь между личными префиксами и сонантом глагольной основы становится более тесной, и в этой позиции, надо полагать, уменьшается степень сонорности сонантов, что и способствует процессу озвончения.

Этот факт фонетики кабардинского языка может пролить свет и на те случаи, когда в абхазском и абазинском языках озвончается только показатель субъекта переходного глагола. Обычно показатель субъекта переходного глагола стоит непосредственно перед корневым согласным, перед показателем же субъекта (если даже не считать других морфем) предполагается наличие слогового префикса ближайшего объекта. И здесь непосредственный контакт личного префикса с корневым сонантом глагола способствовал указанному процессу: понятно, что процесс озвончения развивался на базе прежде всего к о р н е в о г о согласного глагола, поскольку именно корневой элемент представлял собой п о с т о я н н ы й и н е м е н я ю щ и й с я компонент в глагольной форме. Это было как бы предпосылкой для озвончения (ассимиляции), однако осуществление самого процесса связано с ассимилятивными тенденциями, характерными для той или иной языковой единицы и проявляющимися по-разному в различные исторические периоды.

Вышеприведенные факты убедительно показывают, что и сонанты, лишенные корреляции в системе того или иного языка, могут вызвать озвончение предшествующих глухих согласных.